

Начало Советской эпохи

От «Журнала Министерства народного просвещения» к журналу «Народное просвещение»

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

«Мы на всей линии своей просветительской работы не можем стоять на старой точке зрения об аполитичности просвещения, не можем ставить на просветительскую работу вне связи с политикой.

Во всех буржуазных государствах связь политического аппарата с просвещением является чрезвычайно крупной, хотя признать это прямо буржуазное общество не может. Между тем это общество обрабатывает массы через церковь, через весь институт частной собственности.

Наша основная задача состоит в том, между прочим, чтобы в противовес буржуазной правде противопоставить свою правду и заставить её признать».

В.И. Ленин

Да, Ленин немало говорил и писал о просвещении. Эти его строки были напечатаны в нашем Журнале восемьдесят лет назад. Сейчас легче всего, не читая, хулить былых кумиров. Особенно усердствуют в этом недавние профессиональные ленинцы, возводившие вождю целые храмы из словесных заклинаний. Александр Яковлев, Яковлев Егор... Нам не следует заниматься тем, что так хорошо получается у доблестных ниспровергателей. Попробуемся относиться к истории с исследовательской рачительностью. И ленинская цитата, и стихотворение Демьяна Бедного вводят нас в контекст ошеломляющей эпохи. Стихотворение, очень точно отражающее атмосферу послереволюционной агитационной образовательной политики, было написано Демьяном Бедным в 1920 году. А с 1917 года по 1920-й наш журнал, вместе со всей страной, пережил слом эпох, гражданскую войну, распад страны... Радловский «Журнал Министерства народного просвещения» ещё в 1914 году перешёл на военное положение, публикуя царские указы и министерские циркуляры, связанные с реалиями Первой мировой. В феврале 1917 года Николай II отрекается от престола. Отрекается и его младший брат Михаил Александрович. К ликованию многих, Российская империя перестаёт существовать, превратившись в республику, руководимую Временным правительством. Свершается буржуазная революция, отвечающая интересам российских промышленников и предпринимателей, а также либеральной интеллигенции. В то же время воюющая армия лишается тыла. Наша армия была предана российской буржуазией, а воинственные заявления Милюкова и Керенского не искупали неспособность Временного правительства руководить государством. Очень точно выразил ощущение этой войны Велимир Хлебников:

Падают Брянские, растут у Манташева,
Нет уже юноши, нет уже нашего.

Прав был Карл Маркс: «Капитал источает из всех своих пор кровь и грязь». Гибель армии происходила на фоне биржевой игры тогдашних олигархов. Сплочённой, единой была Россия в 1812-м и 1941-м — потому и побеждала в Отечественных войнах. Первая мировая (её тогда тоже называли Великой Отечественной) окончилась распадом Российской империи. И патриотический подъём, характерный для первых месяцев той войны, уступил место прямому и косвенному дезертирству. История Журнала между тем продолжалась. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Наш замечательный кукольник и педагог С.В. Образцов вспоминал об этом времени: «Пусть сейчас в квартире нет электричества, а горят маленькие коптилки. Будет сплошная электрификация по всей стране. Будет. Будет. Будет всё, о чём мечтаем. Будет»¹.

1

Все мы знаем и о приезде Ленина в Россию, и о его злоключениях летом 1917-го, и о появлении в октябрьском Петрограде. Залп «Авроры» и штурм Зимнего дворца, эффектно поставленный великим кинорежиссёром Эйзенштейном к десятилетию революции, тоже хорошо известны всему миру. Как смешно после всего этого выглядят попытки иных наших публицистов представить Октябрьскую революцию *переворотом*, эдаким локальным историческим событием. Революцию можно любить, можно ненавидеть, но называть её переворотом — это фактическая ошибка. И в феврале, и в октябре 1917-го в России произошли роковые события, подходящие под определение революционности. Строй, утверждённый Февральской революцией, продержался несколько месяцев. Строй, провозглашённый в Октябре, существовал в нашей стране семьдесят четыре года. За это время на обломках Российской империи было создано новое государственное образование — Союз Советских Социалистических Республик (1922 год), ставший мировой сверхдержавой. И индустриализация, и победа 1945 года, покорение космоса, и создание социалистической системы от Монголии до Кубы — всё это было порождено страной Октября и никакой другой. Но, пожалуй, главной заслугой социалистического строя в нашей стране было проведение новой образовательной политики, в результате которой мы, несмотря на эмиграцию многих тысяч учёных и деятелей искусства, получили страну с передовой наукой и побеждённой неграмотностью. Поэтому сейчас, в XXI веке, я считаю целесообразным наименованием «Октябрьская революция», а желающие могут присоединить к ней оценочное определение — «Великая». Ведь, называя это историческое событие «переворотом», наши коллеги желают уменьшить его значение, задним числом унижить всех тех, кто жил идеями той революции. Между прочим, в первом большевистском выпуске Журнала революция самим А.В. Луначарским была названа «переворотом», но, разумеется, без уничижительного значения. Просто тогда, поздней осенью 1917 года, многим было не до спора о словах...

В штаб молодого советского просвещения (слово «молодой» вообще оказалось в те годы ключевым для определения сущности нового государства) вошли такие разные и по-разному яркие люди, как Луначарский, Горький, Бубнов, Крупская, Тимирязев, Покровский, Марр, тот же редактор «Журнала Министерства народного просвещения» Радлов. Идеологическую атмосферу того времени создавали и стихи Маяковского, Демьяна Бедного, молодых комсомольских поэтов и антирелигиозные сочинения Емельяна Ярославского сотоварищи... По нашему мнению, именно антирелигиозная пропаганда, сопровождавшаяся отвратительными уличными мистериями, была худшим явлением той жизни. Явлением, с которым нам нельзя примириться. Разумеется, гражданская война (а радикальная антицерковная политика была её следствием) была крайним выражением болезни общества. Болезни, от которой приходилось избавляться жестоким хирургическим методом. Огромный живой кусок российской культуры был отсечён гражданской войной. Как нужны были России и А.И. Деникин, и И.А. Бунин, и десятки крупнейших учёных, и тысячи боевых офицеров, оказавшихся в вынужденной эмиграции... История не смогла примирить расколотую страну. Но и в огне гражданской подспудно уже шло новое, благословенное собирание страны! Любые попытки представить гражданскую войну борьбой добра и зла, прогресса и мракобесия оборачиваются бессмыслицей. То была всенародная трагедия, обнажившая как благородство, так и жестокость её участников. Думаю, мы должны признать, что победа большевиков спасла Россию от подчинения странам Антанты — Советская Россия была враждебна им, пыталась вести самостоятельную политику, что вписывалось в историческую роль России — «Третьего Рима». Именно поэтому в конце тридцатых годов И.В. Сталину удалось произвести идеологическую реформу, воз-

родив, с учётом интернационалистической политики, имперскую идею.

«Учиться, учиться, учиться!..» — этот ленинский лозунг дал ход новым веяниям в образовании, становившемуся более массовым, державшимся как на энтузиазме, так и на насилии. В.И. Ленин, уделяя просвещению огромное значение, сыграл благотворную роль в судьбе отечественной школы XX века. В развёрнутом виде ленинская мысль звучала следующим образом: «Важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться...» (из речи на IV конгрессе Коминтерна). Для пропаганды просвещения важным был и другой растиражированный афоризм Ленина: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Эту фразу Ленин произнёс на III съезде комсомола. Рядом с фигурой Ленина в советской мифологии просвещения стояла фигура Алексея Максимовича Горького, который с колоссальной энергией бросился обогащать общество «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». В книгоиздании, в организации работы учебных заведений и научно-исследовательских центров в первые годы и десятилетия советской власти роль Горького трудно переоценить. Он понимал, что общество нуждается в целенаправленном вдалбливании простых и точных догм — таких, как «Любите книгу, источник знаний». Такие действенные сигналы порождали энтузиазм учёбы, а дети выучившихся граждан нового мира уже перерастали простоту этих слов, для них они уже были прописными истинами, атмосферой жизни. Эта система работала, и работала успешно. И сейчас, когда перед нами встаёт проблема детской беспризорности и малограмотности, опыт первых послереволюционных лет становится актуальным. Начинать придётся с азов, с простых догм, с использования насилия и энтузиазма... Той «цветущей сложности» школьников и студентов, которая была у нас в 1960-е — начале 1990-х, теперь осталось немного. Придётся всё чаще иметь дело с детской агрессией, с детской ксенофобией, с родительским мракобесием. И без опыта Горького, Луначарского, Ленина мы в этой работе не обойдёмся. Как не обойтись в разговоре об эпохе русской революции без суждений её защитников и прокуроров из числа крупнейших наших мыслителей. Есть в нашей литературе и суждения Ивана Алексеевича Бунина, отрицавшего революцию и передавшего нам её отрицательный опыт в «Окаянных днях». Есть и суждения Александра Александровича Блока, в стихах и публицистике доказывавшего святость роковых лет великого передела.

Идеология светского просветительства, рождённая в XVIII веке французскими, английскими, американскими, русскими философами, естествоиспытателями, писателями, энциклопедистами, органично вошла в интеллектуальный багаж советской элиты, стала «хорошим тоном». В этом тоже мы видим предпосылки скорых успехов отечественной школы — средней и высшей.

Надеюсь, что эти беглые рассуждения и субъективные заметки перенесут нас в контекст той эпохи в истории России и Журнала.

2

Начало новой эры в истории старинного Журнала ознаменовало обращение «От Народного Комиссара по Просвещению», написанное А.В. Луначарским. Эта концептуальная публикация открыла «Журнал Министерства народного просвещения» за ноябрь — декабрь 1917 года. Вот ведь как: Министерства Народного просвещения уже не существовало, на смену ему пришёл Народный Комиссариат Просвещения («Наркомпрос», по тогдашней моде на аббревиатуры), а Журнал вышел под старым названием. У новых управленцев российского образования попросту не дошли руки до названия Журнала. Но следует отметить, что, несмотря на неопределённость ситуации в стране и партии, работники Наркомата Просвещения представили продуманную, зрелую стратегию развития образования, в которой многое оказалось перспективным и нашло воплощение в реальной истории. А ведь большевики вовсе не были уверены ни в том, что удержат власть до 1918 года, ни тем более в том, что на месте бывшей Российской империи образуется новое социали-

стическое государство. О построении социализма в «одной, отдельно взятой стране» ещё никто не говорил и вроде бы Россия была для них перевалочным пунктом к мировой революции. А к просвещению они подошли с дальновидными мыслями, с хозяйственным, рачительным отношением. Не всё в психологии революционеров было таким простым и ясным, как это удобно представлять нам, нынешним. Думается, мы должны чтить память о тех большевиках, которые в те чёрные годы незадавшейся германской войны и войны гражданской сохраняли патриотические ориентиры, служили возрождению страны, которое, как мы знаем, состоялось уже к началу 1930-х.

В Журнале Луначарский определил «общее направление просветительской деятельности»: «Всякая истинно демократическая власть в области просвещения в стране, где царят безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок *всеобщей грамотности*² путём организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения; а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения населения необъятной России». Читая эти простые, искренние и верные слова, начинаешь понимать «исток и смысл» побед большевиков: им было что противопоставить демагогии либералов, ассоциировавшихся в обществе с лишениями и поражениями войны, с расцветом спекулянтов и международных олигархов. В их словах о просвещении сквозило лукавство. А Луначарский, обещая победить безграмотность, брал на себя большую ответственность — и, как известно, не оплошал.

² Здесь и далее, в цитатах из «Журнала Министерства народного просвещения» — курсив А.В. Луначарского.

В своём обращении Луначарский использует определение «истинная демократия», не употребляя такого понятия, как «диктатура пролетариата». Он пишет: «Как ни пришлось бы урезать другие статьи народного бюджета, — расходы на народное просвещение должны стоять высоко. Щедрый бюджет просвещения — гордость и слава для каждого народа. Свободные и полновластные народы России этого не забудут». Что это — популизм, пустые обещания? А может быть, энергичная борьба наркома за перспективы своего ведомства? Одно ясно: это — не отписка бюрократа, а слова энтузиаста. Энтузиазма у Анатолия Васильевича Луначарского не отнимешь. Интересную публицистическую фигуру Луначарский выстраивает в рассуждении об «обучении и образовании»: «Обучение есть передача готовых знаний учителем ученику. Образование есть творческий процесс. Вся жизнь «образуется» личность человека, ширится, обогащается, усиливается и совершенствуется. Трудовые народные массы — рабочие, солдаты, крестьяне — жаждут обучения грамоте и всяким наукам. Но они жаждут также и *образования*». По мнению Луначарского, «образования» не могут дать человеку ни школа, ни книга, ни театр, ни музей. Они только помогают ему в творческом самосовершенствовании. Образование в этом контексте — это самостоятельный путь к сознательности и гармонии. Здесь Луначарский снова творчески перерабатывает наследие классиков XVIII века.

Тезис Луначарского о «децентрализации образования» можно признать нереалистичным. Эта часть концепции Наркомпроса, к счастью, не была реализована, как никогда не будут реализованы аналогичные идеи А.И. Солженицына. Просвещение осталось делом государственным, а государство — централизованным. Гораздо интереснее глава Обращения, которую Луначарский назвал «Педагоги и общество»: «Первейшей своей задачей Комиссия считает улучшение положения учителей и прежде всего самых обездоленных, и едва ли не самых важных работников культурного дела — народных учителей начальных школ». Упоминается даже конкретная сумма — 100 рублей. До такого уровня, по Луначарскому, следовало поднять ежемесячный учительский заработок. Луначарский написал Обращение 29 октября, а в революционные месяцы обстановка менялась быстро. С улыб-

кой воспринимается оговорка Анатолия Васильевича: «Несомненно, что Учредительное Собрание начнёт свои работы вскоре. Лишь оно длительно установит порядок государственной и общественной жизни в нашей стране, в том числе и общий характер организации народного просвещения».

Никакой определённости в планах новых властей не было, но нужно признать, что при этом капитальная образовательная программа была подготовлена Луначарским оперативно. И если в осенних заявлениях Луначарского 1917 года и чувствовалась тревога, то обречённости в них не было. Было, к сожалению, немало сиюминутных заявлений, необходимых для политической борьбы: «Черносотенный, кадето-эсеровский блок калечит жизнь детей в борьбе за власть. За власть борются с кем? — С Советами Крестьянских, Рабочих и Солдатских депутатов. Кто? — Помещики, капиталисты и находящиеся с ними в коалиции интеллигенты». А цели у Луначарского были благородные — предотвратить уже объявленную забастовку учителей. Конечно, наркомпрос прав: «Мы не можем допустить, чтобы не учились дети, которые хотят учиться сами и о которых делается соответствующее заявление их родителей». И всё-таки тон этот скорее подходит для пламенного выступления с броневика, нежели для публикации в уважаемом журнале с вековой историей. А может быть, та эпоха и требовала именно таких публикаций? В любом случае эти старые страницы Журнала отразили историю, отразили атмосферу первой революционной осени. В этом смысле тот номер Журнала — бесценный исторический документ, важный не только для истории журналистики и просвещения.

Вместо царских указов теперь публиковались «Декреты и постановления» (так назывался специальный отдел Журнала). Первая публикация — *Декрет об учреждении Государственной Комиссии по Просвещению*, которую возглавлял Председатель — народный комиссар по Просвещению. При этом объявляется, что Комиссия «отнюдь не является центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, всё школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления». Практика, к счастью, разошлась с этими устремлениями начинающих управленцев. Зато 15 отделов, «возглавляемых лицами по назначению Совета Народных Комиссаров», вскоре, в несколько изменённом виде, стали ядром Народного Комиссариата Просвещения. Список этих отделов даётся в Декрете:

- «1) Отдел по введению всеобщей грамотности.
- 2) Отдел автономных высших учебных заведений.
- 3) Отдел министерских учебных заведений.
- 4) Отдел муниципальных учебных заведений.
- 5) Отдел дошкольного воспитания и помощи детям.
- 6) Отдел внешкольного образования.
- 7) Отдел помощи самостоятельным классовым просветительским организациям.
- 8) Научный отдел.
- 9) Отдел искусств.
- 10) Финансовый отдел.
- 11) Отдел статистики и экспериментальной педагогики.
- 12) Отдел технических школ и политехнического образования.
- 13) Отдел по подготовке преподавательского персонала.
- 14) Отдел школьной медицины и гигиены.
- 15) Отдел Школьного строительства».

Этот список красноречиво свидетельствует о функциях того, ещё только складывавшегося из публицистических эскизов и мечтаний, учреждения. В списке прослеживаются и некоторые любопытные тенденции. Так, например, должное внимание уделяется вопросам медицины и гигиены. Как это было важно в те годы, особенно в связи с поставленной задачей — победить неграмотность. Учреждение такого отдела — шаг в духе Вольтера и Дидро. И ведь наличие медика в школе в ту пору было для воюющей России невиданной роскошью. Луначарский считал своей задачей предоставить каждой школе медика и уголок

гигиены, в котором были бы медикаменты, горячая вода, мыло...

И Комиссия, и Комиссариат, и Журнал занялись также пропагандой и популяризацией культуры. Луначарский распоряжается: «В первую очередь должно быть поставлено дешёвое издание русских классиков». Чтобы облегчить для государства расходы на это предприятие, волевым решением Совнаркома, по сути дела, ликвидировалось авторское право: «Срок посмертного права наследников на творения литературы и науки уничтожается. Сочинения всех авторов, переходящие таким образом из области частной собственности в область общности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Государственной Комиссии по просвещению объявлены государственной монополией сроком, однако, не дольше как на пять лет». Конечно, при этом предусматривалось «государственное обеспечение» «детей авторов, сочинения которых переходят в монополию государства». Впоследствии авторское право в Советской России было восстановлено, но тогда, в 1917-м, эта мера сильно помогла ликвидации безграмотности. Нужно добавить, что многие наследники русских писателей (например, Толстые) сами проявили сознательность и отказались от гонораров за массовые издания. Что ж, шаг вполне толстовский по духу, благородный и спасительный для отечественной культуры. По-своему мотивировал отказ от авторского права Александр Блок: «У человека, который действительно живёт, то есть двигается вперёд, а не назад, с годами, естественно, должно слабеть чувство всякой собственности; тем скорее должно оно слабеть у представителя умственного труда; ещё скорее — у художника, который поглощён изысканием форм, способных выдержать напор прибывающей творческой энергии, а вовсе не сколачиванием капитала, находя в этом поддержку своих близких, если они ему действительно близки»³. Здесь иррационализм символиста сочетается с логикой просветителя-революционера. По этому высказыванию Блока можно судить о том, насколько укоренившимися в российском обществе были коммунистические идеи, насколько органически присущи они были многим нашим мыслителям. Другой вопрос, что противники коммунистических идей оказывались чужими в родной стране; их уничтожали, высылали, их опыт не был востребован.

³ Блок А.А. Собр. Соч.: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 7.

В первых постановлениях Комиссии Луначарского было немало антиклерикальных шагов, знаменовавших окончательное отделение Церкви от школы, начавшееся с февраля 1917-го, а как тенденция — с 1905 года... А.А. Блок, много говоривший о «божьем начале» в революционных реалиях, так комментировал эту сторону революции: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой»⁴. В то же время Блок писал: «Интеллигенция»⁵ всегда была революционна. Декреты большевиков — это символы интеллигенции. Брошенные лозунги, требующие разработки. Земля Божия... разве это не символ передовой интеллигенции? Правда, большевики не произносят слово «божья», они больше чертыхаются, но ведь из песни слова не выкинешь»⁶. Вот они, противоречия революции, свойственные ей от рождения и до сих пор путающие нам все карты.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Блок здесь употребляет термин «интеллигенция» в расширительном смысле, относя к нему образованных людей разных политических и моральных устоев.

⁶ Там же. С. 15.

Заботой Луначарского и его Комиссии было и снабжение школ всем необходимым. Учительскими кадрами и книгами, медиками и продуктами питания. Для этого принимались не только пожарные, но и перспективные меры.

Да, в советских учебных заведениях начала двадцатых годов учиться было легче, чем в дореволюционных гимназиях и университетах. Образование демократизировалось, стало доступнее не только в материальном, но и в интеллектуальном плане. Прорекларированная массовость просвещения стала реальностью. И что же? Вскоре оказалось, что новая, со-

ветская, школа и новые, советские, университеты способны поставлять кадры для вполне конкурентоспособных научных лабораторий. И регресса по сравнению с пресловутым 1913 годом не было. Новые, прорывные, авангардные методики образования, активно применяемые в двадцатые годы, показали свою эффективность. Они как нельзя лучше подходили к той социальной ситуации, которая сложилась во время гражданской войны и сразу после неё. Когда же советская власть окрепла, пустила корни, она стала консервативнее и респектабельнее. Со второй половины тридцатых началось новое издание «толстовского классицизма» (аналогия эта, конечно, условна и поверхностна), подходящее к предвоенной ситуации и к идеологической реформе И.В. Сталина, когда была возвращена имперская национальная идея. Здесь требуется существенная поправка: сталинский империализм органично включал в себя интернационализм и именно потому оказался жизнестойчив. Живую силу сталинской идеологии должны были чувствовать не только в Москве, но и в Киеве, Баку, Петрозаводске. Не только русские, но и узбеки, грузины, белорусы. Но всё это было позже...

Существенным изъяном той образовательной стратегии, которую Луначарский заявил в первом «советском» номере Журнала, был *вульгарный социологизм*, преодолённый и осуждённый в конце 1930-х. Преувеличенное внимание к такому важному, но не всеобъемлющему, явлению, как классовая борьба, отрицательно сказалось на разработке программ гуманитарных дисциплин: литературы, истории, философии, даже лингвистических дисциплин. Основоположниками *новых* наук стали талантливые, но склонные к научному авантюризму учёные: академики Н.Я. Марр, М.Н. Покровский... Это потом сочли, что «школа Покровского являлась базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи его вредных антиленинских исторических концепций». В первые же послереволюционные годы имя Покровского звучало в одном ряду с Тимирязевым и Горьким. В то же время Алексей Максимович Горький олицетворял другую, противоположную, линию в коммунистической идеологии, в идеологии образования: *линию освоения классического наследия*. И классическое наследие осваивали. Сколько простых рабочих и крестьянских девушек и парней узнали и о Пушкине, и о Гёте, с горящими глазами несли с базаров классические репродукции. Из них-то и выросли многие наши замечательные учёные и военные, инженеры и деятели искусства.

Ещё одна личность достойная нашего внимания, — это, безусловно, правая рука Луначарского, Правительственный комиссар, член РСДРП с 1902 года, большевик Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881–1948). Родился он во Владимирской области, в простой семье, окончил семинарию. Судьба Лебедева-Полянского была характерной для первых лиц той эпохи. В 1917 году — возвращение в Россию из десятилетней эмиграции. Сразу после революции — работа в Наркомате Просвещения, где он руководит литературно-издательским отделом. Вообще Лебедев-Полянский был одним из крупнейших идеологов того времени; он старательно «переводил» наследие мировой, а в особенности — русской культуры на язык марксизма. И удерживался на капитанском мостике нашей новой журналистики вплоть до смерти. В 1946 году, когда Лебедев-Полянский был избран академиком АН СССР, он оставался одним из последних динозавров ленинской эпохи, которого не коснулись чистки. С 1917-го по 1948-й он успел поруководить крупнейшими советскими издательствами, стать главой Пролеткульта, создателем советской цензуры и руководителем грозного Главлита (1921–1930). Именно этот человек решал, что считать классикой русской литературы, а что — чуждой нам буржуазной (кулацкой) пропагандой. Был он и одним из редакторов Большой советской энциклопедии, подытожившей идеологические наработки первого советского двадцатилетия. Был Лебедев-Полянский и литературоведом, часто писал о новейших произведениях советской литературы, к его мнению прислушивались все наши поэты и прозаики. Знаменитыми стали его книги «Ленин и литература» (1924 г.), сборники литературной критики «На литературном фронте» (1924 г.), «Вопросы современной критики» (1927 г.). Не без оснований его называют «ортодоксальным марксистским критиком». И такой серьёзный человек встал во главе

«Журнала Министерства народного просвещения» осенью 1917-го — стал, по новому для тех лет определению, председателем редакционной коллегии. По сути дела, после эпохи Радлова в Журнале началась эпоха Лебедева-Полянского, поскольку влияние этого энергичного, постоянно менявшего высокие должности человека не ослабевало более двадцати лет. Умер Лебедев-Полянский, окружённый почётом. Его имя было присвоено Владимирскому государственному педагогическому институту, бывшей учительской семинарии, где будущий академик учился. Конечно, и он не избежал опал и строгих партийных работок, но в целом карьера Лебедева-Полянского была исключительно успешной для революционера. История — дама беспартийная и в её реестрах имя одного из создателей пролетарского искусства и борца с литературой эксплуататоров стоит рядом с именами других редакторов нашего журнала — и тех, кто служил идеологии министра графа Уварова, и проводников толстовского классицизма... Нужно, однако, заметить, что в первом советском выпуске Лебедев-Полянский, несмотря на свою энергичность и авторитет, играл роль технического редактора, эдакого бессловесного организатора. Инициатива была в руках Луначарского, рьяно использовавшего авторитетную трибуну Журнала.

3

Войны и революции политизировали школу. Это прекрасно понимал (и пытался использовать!) Лебедев-Полянский. Партийная поляризация разлагала учебный процесс. Учителя, ученики, не говоря об университетской общественности, подчас занимали активную позицию, устраивали различные гражданские акции. Иногда эта бурная деятельность подменяла саму учёбу. Журнал не мог обойти эту проблему — и посвятил ей сразу несколько публикаций в осеннем выпуске 1917 года. Бросается в глаза, что к этой взрывоопасной теме авторы Журнала подходят с каким-то двусмысленным лукавством. С одной стороны, они признают правоту давнего тезиса Д.А. Толстого о деполитизированном образовании, с другой стороны — маневрируют, желая использовать школу и высшую школу в своих политических целях как поле для агитационной деятельности, как пропагандистский инструмент... С одной стороны, декларируют свободу собраний для учащихся, с другой — говорят о пресечении контрреволюционных настроений в школах и университетах... Объяснить такое противоречие можно только лукавой диалектикой исторического процесса. Думаю, что объяснений не требовалось. К 1917 году читатель уже привык к красивым риторическим фигурам, к демократическим заклинаниям и умел, когда это требуется, читать между строк. Шла борьба идей, жестокая и многообразная. В этой борьбе идей — лицо революции и гражданской войны. Конечно, многие аспекты образования приносились в жертву политической целесообразности. При этом нужно признать, что наш Наркомпрос, как мог, пытался отстаивать истинные интересы образования. Несмотря на партизанские условия выхода в свет Журнала, в нём была довольно представительная подборка научных и научно-популярных публикаций. Традиции радловского и феоктистовского Журнала всё-таки продолжались. Изменился стиль статей — теперь в них было больше фантастического, авантюрного, в духе захватывающих публицистических аттракционов Луначарского. Консерваторы, с их традиционной основательностью, были не в чести.

4

С 1918 года Журнал стал называться «Народное просвещение». В 1927 году, в октябрьском, ноябрьском и декабрьском номерах Журнала прошла триумфальная публикация «Десять лет журнала «Народное просвещение», хотя первый журнал под таким названием был выпущен в Петрограде только в январе 1918-го. Обновлённый Журнал вышел под шапкой Государственной Комиссии по народному просвещению, на обложке также красовались слова: «Социалистический орган, общественно-политический, педагогиче-

ский и научный». Именно в таком суматошном порядке. Новые традиции примут классическую ясность не сразу; но уже к двадцатому году на обложку Журнала поместят призыв Маркса и Энгельса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», надолго ставший девизом всей советской прессы.

Номер верстался в суровых условиях и вышел худосочным, хотя и считался сдвоенным. Из публикаций следует выделить статью Надежды Константиновны Крупской (1869–1939) «К вопросу о социалистической школе». В поисках новой системы образования Крупская была активным катализатором идей. Разрушая устои и традиции, она не забывала и созидать, предлагать своё, новое. Именно в этой установке на созидание и заключается отличие революционера от демагога. Н.К. Крупская на два десятилетия станет одним из ключевых авторов «Народного просвещения». Не знаю, нужно ли нашим читателям сообщать, что была она женой В.И. Ленина, председателя Совнаркома и вождя правящей партии большевиков?

В 3-м номере за 1918 год Крупская публикует статью «О светской школе», а Луначарский — программную работу «Место и роль интеллигенции в обществе». В том же номере был напечатан «Устав Социалистического Союза деятелей по внешкольному образованию». Союз этот — интересный опыт по аккумуляции энтузиазма, характерный для первых пореволюционных лет.

Сдвоенный 4–5-й номер вышел уже под шапкой «Народного комиссариата по просвещению». По старой, ещё царских времён, традиции. Журнал публиковал официальные документы. В 1918 году таковыми были распоряжения Рабоче-крестьянского правительства. Сотрудники Лебедева-Полянского так величали ленинский Совнарком. А в 4–5-м номере на девяти журнальных страницах был опубликован документ огромной важности — «Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Первая Конституция нашей страны. В этом ярком историческом документе провозглашались основы нового права — права молодой социалистической страны. Многие в этой Конституции держалось на дерзком отрицании прошлого с его законами и традициями. Немногие (хотя и фундаментальные) положения перешли в будущие Конституции Страны Советов. И ещё одним нюансом был знаменателен тот номер Журнала: он вышел в свет в Москве. Теперь «Народное просвещение» издавалось в Москве, куда переехали и Наркомат, и редакция Журнала. Впредь в выходных данных «Народного просвещения» значилось: Ежемесячный журнал Наркомпроса РСФСР, Государственное издательство, Москва. Иногда к Москве присоединяли и Ленинград, где печаталась часть тиража. Но штаб-квартира Журнала находилась в новой старой столице.

Завершалась гражданская война. Вокруг Журнала образовалась группа постоянных авторов — отцов новой педагогики, новой науки. Неутомимые ниспровергатели дореволюционных реалий... Н. Ильин, Емельян Ярославский, В.М. Познер... С другой стороны, не менее важную роль играли авторитетные представители «старой культуры», принявшие советскую власть и ставшие её апологетами: В.Я. Брюсов и И.Э. Грабарь. Они (в особенности — Грабарь), подобно Горькому, занимали позицию в духе «освоителей классического наследия» и немало сделали для успеха этой программы, пропагандируя литературу и искусство народов РСФСР и СССР, а также зарубежные образцы. Поэтому двадцатые годы и не стали временем деградации нашей культуры, нашего просвещения. Стали ли они временем прорыва? Вопрос спорный.

Первые послереволюционные годы в России были временем расцвета авангардного искусства, активного применения авангардных технологий в науке, в том числе — и педагогической. Упомянем лишь одну знаковую линию — утверждение и развитие *педологии*, о которой тогда (в двадцатые годы) на страницах Журнала говорили даже официальные лица. Педологические подходы практиковались и во внешкольном, и в школьном образовании. В 1936 году эта комплексная наука о детстве была признана вредной и запрещена.

Пожалуй, самым влиятельным из авторов «Народного просвещения» 1918–1927 гг.

был академик М.Н. Покровский (1868–1932), тоже ярчайший авангардист от науки. Он получил блестящее образование, окончил историко-филологический факультет Московского университета, где рано проявил способности к научной работе. Молодым учёным он вступает в РСДРП, становится большевиком. Его научные работы, в которых исторические процессы рассматриваются с марксистских позиций, вызывают противоречивые толки в учёной среде. Особое значение имеет капитальный труд Покровского (1909–1914) «Русская история с древнейших времён», в котором марксист Покровский систематизировал историю России с баснословных времён до конца XIX века.

Покровский оказывается в эмиграции, откуда возвращается летом 1917-го. Он принимает участие в октябрьских событиях, чувствуя себя в эпицентре классовой борьбы — явления, изучению которого учёный посвятил жизнь. После революции он — один из лидеров образования, административно насаждавший свои идеи в высших и средних учебных заведениях. Заместитель Луначарского, он занимал целый ряд важных постов в руководстве просвещением: был руководителем Государственного учёного совета, Коммунистической академии, Института истории, Общества историков-марксистов, Института красной профессуры, Центрархива...

В журнале «Народное просвещение» Покровский публикует свои произведения, подчас являющиеся руководящими указаниями работникам образования. Так, строенный первый номер 1920 года (в это время Журнал испытывал нехватку средств) открывался письмом Покровского съезду коммунистического студенчества «Задачи высшей школы в настоящий момент». Надо ли говорить, что описание этих задач стало для делегатов съезда «руководством к действию», ибо перед ними выступал не просто профессор, учёный, а авторитетный большевик, член советского правительства, лидер новой идеологии. Публиковались в журнале и исторические исследования Покровского, в которых марксистский радикализм с годами только крепчал...

С присущим ему темпераментом Покровский рассматривал историю исключительно с марксистских, материалистических позиций. Его афористическая формула ставила идеологию выше исторической правды: «История есть политика, опрокинутая в прошлое». Под руководством Покровского проводились чистки «старой профессуры». Он добился замены школьного курса истории курсом обществоведения, что подчёркивало идеологическую целесообразность изучаемой дисциплины.

Убеждённый большевик, Покровский утверждал утилитарное отношение к науке, да и к иным видам творчества. О своей родной исторической науке он писал категорично: «Правильное понимание русской истории может опираться только на понимание её Лениным». Умер Покровский победителем, но во второй половине 1930-х его учение было подвергнуто ревизии. И, как мы помним, последователи Покровского были объявлены международными преступниками, врагами народа.

Что же нам делать с Михаилом Николаевичем Покровским, опубликовавшим в журнале «Народное просвещение» десятки работ? Уничтожать его забвением? Шельмовать? Думаю, что опыт Покровского нужно бережно использовать, включать его в наш научный контекст. Да, историческая наука не исчерпывается идеологией и тем более — одной марксистской идеологией. А возможно развитие гуманитарной мысли вне связи с действительностью, вне политического контекста? Что же, история должна превратиться в науку о датах и черепках, а филология — в науку о языке и литературных тропах? Но гуманитарная наука без идеологии тоже оказывается опреснённой, ослабленной. Этот элемент, в больших дозах становящийся наркотиком, в нужных пропорциях необходим науке. Дадим этому элементу имя М.Н. Покровского — неутомимого академика классовой борьбы. В переломные годы истории от науки подчас требуется публицистическая актуальность. И для журнала «Народное просвещение» в целом характерно движение от академизма прежнего «Журнала Министерства народного просвещения» к злободневным тезисам, подчас митинговым, подчас — накрепко привязанным к текущей политической жизни... Станем ли отмахиваться от этой исторической реальности со снобистскими всхлипами?

Да, для журнала «Народное просвещение» 1918–1927 годов было характерно обращение к «боевым» политическим реалиям. Думаю, что в этом не только недостаток научного метода тогдашних авторов Журнала, но и их своеобразие.

5

В 1921 году Лебедев-Полянский перестал осуществлять непосредственное руководство Журналом. Теперь сотрудники «Народного просвещения» подчёркивали коллегиальность управления Журналом. Но всякая коллегиальность рано или поздно оборачивается междуцарствием. Продолжал оказывать влияние на Журнал Лебедев-Полянский, выдвинулся в руководители редактор Моисей Соломонович Эпштейн (1890–1938, расстрелян, в 1956-м — реабилитирован). Другими «капитанами» Журнала в период до 1927 года были редакторы Самохвалов и Ходоровский.

В 1922 году вышел сотый номер «Народного просвещения». По этому случаю публицист «т. Кронин» опубликовал статью «Сто номеров», в котором со знанием материала охарактеризовал первое пятилетие советской истории Журнала: «Почти одновременно с Наркомпросом родился он на свет, вместе с ним перекочевал из Петербурга⁷ в Москву, вместе с ним переживал медовый месяц ярких лозунгов, сияющих надежд и гордых деклараций... Вместе боролся за их осуществление, волновался, страдал, отражая все достижение и все настроения на своих страницах. Пульс просвещенческой жизни не переставал биться в журнале — то слабее, то отчётливее по мере усиления и ослабления притока жизненных средств к Наркомпросу». Всё так. В обозрении Кронина — ещё не рассеянный дух того времени.

⁷ Т. Кронин ошибается: журнал «Народное просвещение» в 1918 году перекочевал в Москву не из Петербурга, а из Петрограда. — Прим. А.З.

С 1923 года, преодолев опыт еженедельного и ежедвухнедельного издания, Журнал становится ежемесячником. В № 3 за 1924 год была опубликована пламенная статья А.В. Луначарского «Какой педагог нам нужен», в которой утверждалось: «Мы не требуем, конечно, чтобы каждый учитель был партийным коммунистом, но познакомиться как можно лучше с основными идеями нашей партии, с идеями великого Ленина, с ходом и целями нашей революции каждому учителю абсолютно необходимо. Надо прямо сказать: человек, не сочувствующий этим грандиозным, истинно человеческим целям, будет всегда плохим учителем». То была эпоха максимализма. И в этих условиях складывался культ В.И. Ленина, особенно укрепившийся после смерти вождя. Владимир Ильич Ленин (1870–1924) тоже был автором нашего журнала. Глава государства выступил на страницах «Народного просвещения» в феврале 1920 года, когда Журнал выходил еженедельным приложением к газете «Известия», со статьёй «Вопросы просвещения в печати». Ленинская концепция народного образования, внешкольного, школьного и высшего, семь десятилетий вдохновляла учителей и исследователей, обильно цитировавших классика. Но и сейчас, когда, по выражению Д. Волкогонова, в нашем обществе «пала ленинская крепость», споры вокруг роли ленинского наследия в актуальной образовательной политике не прекратились. Симптоматично, что и наш журнал в текущем году нередко обращался к этой теме.

С 1923 по 1925 год в «Народном просвещении» появилось немало публикаций, посвящённых адаптации советского образования к новой экономической политике. На эту тему в Журнале высказывались А.В. Луначарский, В.М. Молотов, М.С. Эпштейн и другие. Также важнейшей темой Журнала была программа по борьбе с неграмотностью. За первые десять лет советской истории Журнала было опубликовано более двадцати статей и заметок на эту тему. И в 1927 году, к десятилетию Журнала и советской власти, вышла аналитическая статья Д. Бондарева «Ликвидация неграмотности на пороге десятилетия Октябрьской революции». Без преувеличений можно сказать, что это достижение было краеугольным камнем советской образовательной политики 1917–1927 гг. и главной за-

ботой редакторов и авторов журнала «Народное просвещение» того экстремального десятилетия.

В 1927 году К. Бердников завершил своё обозрение десятилетней истории «Народного просвещения» пожеланиями Журнала. Некоторые из пожеланий не потеряли своей актуальности и к двухсотлетию нашего издания и, право, как будто вчера написаны: *«Во-первых, жить долгие годы и материально благоденствовать. Во-вторых, неизменно повышать качество своей продукции, чтобы глубже вспахать мозги организаторам просвещения. Чем полновеснее зёрна культуры будут разбрасываться журналом, тем обильнее соберём жатву ко второму десятилетию. Третье пожелание — смелее плыть по волнам научно-педагогического и педологического уклонов, разгрузившись от статей организационно-административного характера второстепенного значения... Четвёртое пожелание — увеличить число корреспондентов с мест; нам показалось, что у журнала много корней в центре и мало в провинции. Наконец, пятое, последнее пожелание — немножко потолстеть, но не чересчур: массовый просвещенец толстых журналов боится».* Сейчас, конечно, «массовый просвещенец» уже не боится «толстых журналов», но пассаж о «зёрнах культуры» и «жатве» сейчас по-прежнему актуален.

Пройдёт и 1927 год. В ближайшем будущем наш Журнал ждали новые реорганизации, новые идеологические маневры. Великий перелом — курс на форсированную индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию — вскоре преобразил страну. Но и в первое десятилетие советской власти журнал «Народное просвещение», орган Наркомпроса, сыграл государствообразующую роль, участвуя в наиболее успешных и полезных для отечественной культуры проектах советской власти того времени.

О роли журнала «Народное просвещение» в жизни новой, преображённой, страны — в следующем нашем выпуске.